

МЫСЛИ ФЕЛЬДМАРШАЛА КН. ПАСКЕВИЧА

по поводу обороны и паденія Севастополя.

16-го сентября 1855 г.

Подъ этимъ заглавіемъ мы пошлѣемъ письмо генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича - Эриванскаго, къ генераль-адъютанту князю М. Д. Горчакову, диктованное камеръ-юнкеру С. Ф. Паютину (нынѣ тайн. совѣт.) 16-го сентября 1855 года.

«Послѣ паденія Севастополя князь Горчаковъ прислалъ къ покойному фельдмаршалу обзоръ дѣйствій своихъ со времени вступленія въ командованіе крымскою арміею. Фельдмаршалъ былъ тогда въ безнадежномъ состояніи, но, несмотря на страданія, онъ по прочтеніи записки, диктовалъ 16-го сентября 1855 года свои замѣчанія, которыя, какъ онъ говорилъ: «Рано или поздно займутъ мѣсто въ военной исторіи Россіи». Замѣчанія эти диктованы въ формѣ письма и приведены слово въ слово безъ всякихъ отступленій. Письмо это, по случаю усилившейся болѣзни князя, а затѣмъ его смерти въ 1856 г., не было отправлено по назначенію».

Ред.

Я только что приготовилъ отвѣтъ на послѣднее письмо ваше, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, какъ получилъ другое, при которомъ приложенъ обзоръ дѣйствій вашихъ въ Крыму. Благодарю васъ за извѣщеніе и за откровенность.

Буду съ вами откровененъ какъ всегда, буду говорить вамъ по убѣжденію. Вотъ уже другой мѣсяцъ какъ я серьезно боленъ; желудокъ ничего не переноситъ, а потому я ослабѣлъ до крайности. Въ болѣзненномъ моемъ положеніи, я въ письмахъ къ вамъ не въ силахъ уже выбирать слова, чтобы смягчать иногда мою мысль; позвольте мнѣ писать такъ, какъ слова приходятъ для выраженія моихъ мыслей.

Думаю, что мнѣ теперь должно говорить то, что моя опытность мнѣ внушаетъ. Простите, если иногда мысли мои не будутъ сходны съ вашими.

Поговоримъ сначала о вашемъ завидномъ положеніи въ мартѣ 1855 года, когда вы были сильнѣе непріятеля 20 или 25-ю тысячами человекъ. Отчего вы тогда не начали наступательныхъ дѣйствій, которыя при превосходствѣ вашихъ силъ могли бы имѣть счастливыя и славныя послѣдствія? Вы ничего не предприняли и смотрѣли только, какъ союзникамъ каждый день подвозили свѣжія войска. Словомъ, дали время имъ оправиться, опомниться послѣ убійственной зимы, уничтожившей болѣе половины англійской арміи.

Въ такой нерѣшительности вы простояли мѣсяць, и тогда уже было поздно помышлять о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Надобно было по необходимости ограничиться пассивною обороною Севастополя, которая, какъ вы пишете, была необходима для удержанія Австріи.

Отдавая полную справедливость русскому солдату, отстаившему своею грудью, въ продолженіе 11-ти мѣсяцевъ, земляныя укрѣпленія, и которому, говоря безъ лицемѣрія, Россія единственно обязана безпримѣрною обороною, я однако не могу согласиться, что защитники Севастополя могли помѣшать 200 тысячамъ австрійцамъ вторгнуться въ Польшу. Нѣтъ, ваше сіятельство, не геройская оборона Севастополя остановила австрійцевъ, а благородная твердость короля прусскаго, великодушно забывшаго всѣ наши непростительныя насмѣшки и даже дерзости, которыя ему дѣлали въ 1848 году и послѣдующихъ годахъ. Еще намъ помогли наши крѣпости въ Польшѣ. Вы, безъ сомнѣнія, не забыли все, что мы съ вами писали и говорили, когда я, въ предвидѣніи бывшихся обстоятельствъ, настаивалъ на необходимости постройки крѣпостей въ избранныхъ пунктахъ. Не для удержанія же только порядка въ Польшѣ согласился повойный государь издержать столько милліоновъ для сооруженія Модлина, Бреста, Ивангорода. Онѣ намъ необходимы какъ оплотъ въ случаѣ европейской коалиціи. Для Польши же во время мира, при энергическомъ правленіи, даже безъ Александровской цитадели, достаточно 30-ти тысячъ человекъ. Слѣдственно король прусскій и крѣпости наши въ Польшѣ, вполне оправдавшія въ 1854 и въ 1855 годахъ свое назначеніе, спасли насъ отъ вторженія 200 тысячъ австрійцевъ.

Извините, ваше сіятельство, я отвлекся отъ предмета, но необходимо было изложить обстоятельства въ такомъ видѣ, какъ они дѣйствительно должны быть представлены безпристрастнымъ историкомъ, который будетъ описывать событія нынѣшней войны.

Затѣмъ спѣшу возвратиться къ Севастополю. Отъ марта до славно отбитаго штурма вы потеряли передовыя укрѣпленія: Селенгинское, Камчатское, уступили непріятелю безъ выстрѣла Федюхины-горы и Байдарскую долину, гдѣ союзники, какъ въ обѣтованной землѣ, нашли

все, что до сихъ поръ имъ недоставало, т.-е. воду и траву. Наконецъ, когда подошли къ вамъ сильныя подкрѣпленія, вы вмѣсто того, чтобы маневрировать вдоль Черной рѣчки въ тылу непріятеля съ 50 или 60 тысячами и держать его въ постоянномъ недоразумѣніи на счетъ вашихъ намѣреній, что поставило бы его въ весьма затруднительное положеніе, рѣшились 4-го августа на дѣло несбыточное и пошли, такъ сказать, на проломъ (по-русски, на-авось) атаковать позицію, которая, какъ вы сами говорите, сильнѣе Севастопольскихъ укрѣпленій.

Здѣсь рождается вопросъ: какія стратегическія соображенія могли васъ заставить уступить непріятелю Федюхины-горы? Вѣроятно, чтобы дать ему время укрѣпить ихъ, и когда они сдѣлались неприступными, идти на вѣрное пораженіе, зная, что всякая ваша попытка съ этой стороны, какъ мы сейчасъ же увидимъ изъ вашихъ же словъ, должна быть отбита со стыдомъ и съ большимъ уровнемъ.

Иначе никакъ не могу объяснить дѣйствій вашихъ подъ Черной, и при всемъ желаніи оправдать ихъ, дохожу, послѣ реляціи сраженія 4-го августа, до грустнаго убѣжденія, что оно принято безъ цѣли, безъ расчета и безъ надобности, и что всего хуже, окончательно лишило васъ возможности предпринять что-либо впоследствии.

Вы пишете: „Наступательное движеніе это, которое.... было необходимо для удовлетворенія общаго мнѣнія Россіи (точно Бородинское сраженіе было необходимо прежде отдачи Москвы!), а намѣренъ былъ сдѣлать съ большою осмотрительностію и только при благоприятныхъ обстоятельствахъ, на которыя, впрочемъ, мало рассчитывалъ, перейти къ дѣйствительному наступленію“. Приводя параграфъ сей слово въ слово, я дѣлаю нѣкоторыя замѣчанія

Хотя Провидѣнію угодно было послать мнѣ конецъ мучительный, но я встрѣчаю смерть безъ страха и ропота съ увѣренностію, что соотечественники мои отдадутъ мнѣ справедливость, когда убѣдятся, что въ предвидѣніи всѣхъ несчастій обрушившихся нынѣ на Россію, и которыя можно было предупредить, я умѣлъ, какъ увидимъ ниже, говорить правду покойному государю, за которую заплатилъ моею жизнью.

Но что такое моя жизнь и страданія, когда дѣло идетъ о Россіи! Однако пора обратиться къ дѣлу подъ Черной.

4) Почему, рѣшившись идти атаковать неприступныя позиціи, вы не сдѣлали сего со всѣми вашими силами? Почему вы оставили въ Перекопѣ гренадерскій корпусъ? Чего вы опасались?

Не подлежать сомнѣнію, что союзники не могли въ одно время

осаждают Севастополь, атакуютъ васъ у Инкермана и идти на Перекопъ. Оставивъ въ Перекопѣ гренадеръ, вы въ рѣшительную минуту лишили себя 20-ти тысячъ отборнаго войска, погибшаго впослѣдствіи безъ пользы отъ болѣзней.

5) Нельзя также согласиться, что дѣло подѣ Черной было столь необходимо, какъ бородинское сраженіе до отдачи Москвы.

Дѣло подѣ Черной будетъ вѣчнымъ позоромъ нашей военной исторіи, а бородинская битва одна изъ лучшихъ ея страницъ. Правда, послѣ Бородина мы отдали Москву, но въ ея, хотя неокровавленныхъ развалинахъ¹⁾ (слова високаго краснорѣчія) непріятель нашель свою погубель. Подобнаго результата не представляетъ дѣло подѣ Черной, слѣдственно и сравненіе Черной Бородинимъ неправильно.

6) Никакъ не могу понять, чтобы вы начали наступательное движеніе съ увѣренностію въ неудачѣ. Зачѣмъ же было дѣлать наступленіе? Слѣдственно вы согласны, что дѣло подѣ Черной предпринято безъ цѣли, расчета и надобности.

7) Далѣе вы говорите, что это только была попытка. Нѣтъ, ваше сіятельство, это была не попытка, а страшная ошибка, сдѣланная вслѣдствіе дурныхъ, необдуманыхъ распоряженій, въ которыхъ вы не сознаетесь, ибо изыскиваете средства оправдаться противорѣчными объясненіями, а именно: въ обзорѣ вашихъ дѣйствій, вы говорите, на что уже я вамъ отвѣчалъ, что наступательное движеніе это или попытка (не знаю какъ назвать сраженіе подѣ Черной), было въ видахъ (общественнаго мнѣнія), и что впрочемъ вы имѣли мало надежды на успѣхъ.

Въ письмѣ же, писанномъ вскорѣ послѣ 4-го августа, вы говорите, что успѣхъ вашего наступательнаго движенія былъ рассчитанъ вѣрно и что отвѣтственность въ неудачѣ должна пасть на Реада, неисполнившаго вашихъ предначертаній, вслѣдствіе чего планъ вашъ не удался и сраженіе было проиграно. Что за противорѣчія!

Прошу ваше сіятельство извинить меня за откровенность; но согласитесь, что по сличеніи двухъ вашихъ объясненій я никакъ не могъ пройти молчаніемъ столько противоположныхъ оправданій. Вѣроятно, писавъ обзоръ вашихъ дѣйствій, вы позабыли, при многотрудныхъ обязанностяхъ, письмо ваше ко мнѣ, въ которомъ вы обвиняете не Реада. Рѣшившись обвинять Реада, излишне было бы искать другія причины къ оправданію, ибо ничего нѣтъ удобнѣе, какъ сложить все на мертвыхъ. Такъ и хочется прибавить къ этому „мертвые бо срама не имутъ“.

¹⁾ Телеграфическая депеша кн. Горчакова послѣ взятія Севастополя.

Храбрый Реадъ и достойный начальникъ штаба Веймартъ, павшіе жертвами при исполненіи невозможнаго предпріятія, не могли бы вамъ отвѣчать изъ своихъ могилъ, и исторія внесла бы въ свои скрѣжали имена Реада и Веймарна какъ виновниковъ для Россіи дня 4-го августа ¹⁾).

За симъ обращаюсь къ другимъ обстоятельствамъ, изложеннымъ въ обзорѣ вашихъ дѣйствій. Вы между прочимъ пишете, что еще въ маѣ мѣсяцѣ были намѣрены очистить южную часть Севастополя.

Здѣсь рождаются два вопроса: почему, принявъ такую рѣшимость, вы заблаговременно не взяли мѣръ для уменьшенія отчасти потерь вещественныхъ и оставили врагамъ между „окровавленными развалинами“ до 4-хъ тысячъ орудій? Къ вѣчному нашему стыду, кажется это единственный примѣръ въ исторіи, и вы еще дерзаете сравнивать поражение подъ Черной съ Бородинымъ!

Почему не были сдѣланы мины подъ Севастопольскими укрѣпленіями? Кажется это было дѣло первой необходимости. Недостатокъ въ порохѣ не можетъ служить оправданіемъ, ибо союзники послѣ вашего отступленія нашли значительные запасы. Вотъ, ваше сіятельство, вопросы, на которые вамъ трудно будетъ отвѣчать предъ Россією и потомствомъ. По прочтеніи же всего обзора, я вижу что у васъ не было заранѣе обдуманнаго плана, который бы служилъ основаніемъ вашихъ дѣйствій. Вы жили день за день, никогда не имѣли собственнаго мнѣнія и соглашались съ тѣмъ, кто послѣдній давалъ вамъ совѣты. Въ заключеніе, я не могу умолчать, что задняя мысль, руководившая вами при составленіи обзора вашихъ дѣйствій, была увѣренность, что никто вамъ возражать не будетъ и по истеченіи нѣкотораго времени все, что вы писали, будетъ признано фактомъ историческимъ.

Хитрости сего рода часто удаются въ Россіи. Не знаю, удастся ли вамъ изложить событія настоящей войны съ вашей точки зрѣнія, увѣрить всѣхъ, что военныя дѣйствія ваши были безукоризненны? Но во всякомъ случаѣ это будетъ легче, чѣмъ представить безукоризненный отчетъ по хозяйственному управленію армією, ибо я увѣренъ, что послѣ заключенія мира откроются тысячи безпорядковъ и недочетовъ, происходящихъ отъ того, что вы не умѣли предупре-

¹⁾ Покойный князь говоритъ условно, между тѣмъ фактъ совершился: въ реляціи кн. Горчакова вся вина сложена на Реада. Несчастное слово «не читайте», присланное кн. Горчаковымъ чрезъ адъютанта Реада, было причиною гибели арміи. Горчаковъ не слышалъ выстрѣловъ со стороны Реада, послѣдній поналъ, что, согласно диспозиціи, слѣдуетъ начинать атаку, что было несвоевременно.

дять или остановить ихъ во-время, или отъ противорѣчій вашихъ приказаній. О дальнѣйшихъ предположеніяхъ вашихъ вы умалчиваете, ибо вы опасаетесь справедливыхъ замѣчаній. Прошло уже то время, когда вы спрашивали моихъ совѣтовъ, говорили и писали мнѣ, что одно мое слово проясняло мысли ваши, наводило на путь истинный и что даже вы живете моимъ умомъ.

Признаюсь, я виноватъ предъ отечествомъ, что былъ отчасти причиною возвышенія вашего на ту степень, на которой вы нынѣ находитесь.

Покойный государь былъ правъ, когда онъ, въ февралѣ 1854 года, хотѣлъ, послѣ всѣхъ неудачныхъ дѣлъ на Дунаѣ и неосновательныхъ распоряженій въ Княжествахъ, отозвать васъ изъ арміи. Тогда я еще полагалъ, что вы съ пользою можете служить Россіи. Нынѣ, откладывая всякое самолюбіе въ сторону, откровенно сознаю, что я жестоко ошибался.

Изъ приводимаго здѣсь разговора съ покойнымъ Государемъ, ваше сіятельство можете судить, что участь ваша была въ моихъ рукахъ. Мнѣ достаточно было молчать для того, чтобы рѣшить вашу судьбу.

Это было въ первыхъ дняхъ моего прибытія въ Петербургъ, въ 1854 году, когда я уже согласился принять командованіе надъ всѣми войсками, расположенными на западной границѣ и въ княжествахъ.

Я пришелъ къ государю около 12-ти часовъ съ докладомъ. Мы были въ рабочемъ его кабинетѣ, гдѣ онъ впоследствии скончался. Государь былъ чрезвычайно грустенъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Наконецъ онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— „Отецъ-командиръ! Я весьма недоволенъ распоряженіями Горчакова. Сраженіе подъ Ольтеницею и Четати служатъ явнымъ доказательствомъ вовсе необдуманнаго плана, словомъ сказать, во всѣхъ его дѣйствіяхъ видны нерѣшительность и суета. Судя по ходу всѣхъ его дѣлъ, мнѣ кажется, что онъ неспособенъ быть главнокомандующимъ. Сомнѣваюсь даже, будетъ ли онъ въ состояніи командовать во время войны отдѣльною частью? По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я полагаю отозвать его изъ арміи и тебѣ предоставляю избрать себѣ кого хочешь въ начальники штаба“.

Сознаюсь, я былъ крайне удивленъ, услыхавъ столь рѣзкое сужденіе и почти приговоръ надъ человѣкомъ, служившимъ всегда съ большимъ отличіемъ. Прошло нѣсколько минутъ пока я собрался съ мыслями. Вотъ, кажется слово въ слово, отвѣтъ мой Государю:

„Позвольте, ваше величество, сказать нѣсколько словъ въ оправданіе князя Горчакова. Я его знаю слишкомъ 23 года, знаю его храбрость и способности. У насъ въ арміи нѣтъ человѣка, который бы съ

большою пользою могъ занять во время войны мѣсто начальника штаба. Его обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ управленія арміею, его военныя способности, смѣю думать, не подлежатъ сомнѣнію. Нельзя осуждать главнокомандующаго, находящагося отъ своихъ отрядовъ во ста и болѣе верстахъ, въ ошибкахъ, сдѣланныхъ подъ Ольтеницею и Четати. За всѣмъ тѣмъ, не могу не обвинить Горчакова въ томъ, что, не слѣдуя великой истинѣ, сказанной Наполеономъ, держать войска свои всегда въ кулакѣ, онъ растаялся съ малочисленными своими отрядами на 600 верстъ“.

Государь, выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, изволилъ сказать:

— „Дай Богъ, отецъ-командиръ, чтобъ я ошибался. Желаю тебѣ вѣрить“.

Послѣ сего разговора государь уже ни разу не говорилъ и не намекалъ о вызовѣ вашего сіятельства изъ арміи.

Будучи озабоченъ въ дѣйствіяхъ моихъ отдать отчетъ потомству, и откровенно соглашаюсь въ моей ошибкѣ и прошу соотечественниковъ моихъ простить мнѣ, что я въ заблужденіи моемъ еще въ 1854 году считалъ ваше сіятельство способнымъ быть самостоятельнымъ начальникомъ.

Сознаніе это доставляетъ мнѣ нѣкоторое облегченіе и въ минуты тяжкихъ страданій и душевнаго негодованія, мнѣ отраднo вспомнить, что до начала войны, когда еще можно было предупредить всѣ бѣдствія, постигшія впоследствии Россію, я противъ мнѣнія всѣхъ въ эту минуту, когда, въ порывѣ безумія, мы готовились завидать всю Европу шапками, осмѣлился 27-го февраля 1854 года представить покойному государю записку слѣдующаго содержанія:

„Четыре европейскія державы предлагаютъ намъ свой ультиматумъ. Мы находимся въ томъ положеніи, что теперь вся Европа противъ насъ, на морѣ и на сухомъ пути. Англія, Франція, Турція уже объявили намъ войну; Австрія, можно сказать, на ихъ сторонѣ; Пруссія можетъ быть также увлечена скоро.“

„Никогда еще Россія не бывала въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ.“

„При императорѣ Александрѣ Павловичѣ, въ 1812 году, Англія была за насъ; съ Турціею успѣли заключить миръ; неограниченное властолюбіе Наполеона заставило задолго предвидѣть 1812 годъ и дало намъ полтора года на приготовленія. Въ 1810 году мы уже могли начать формированіе новыхъ полковъ; весь 1811 г. устраивали резервы и магазины въ тылу и потому въ 1812 г., начавъ отступленіе до самой Москвы, пополняли убыль въ войскахъ резервами.“

„Нынѣ обстоятельства такъ быстро измѣнились, что не дали намъ возможности приготовиться.

„Дай Богъ, чтобы я ошибался, но мнѣ кажется, что нельзя уже сомнѣваться, что Пруссія будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Австрією противъ насъ.

„Имѣя двухъ непріятелей въ центрѣ, тогда какъ французы высалятся на Черноморскихъ берегахъ, австрійцы изъ Трансильваніи выйдутъ на коммуникаціи нашей дунайской арміи, а пруссаки обойдутъ флангъ въ Литвѣ, мы уже не можемъ держаться ни въ Польшѣ, ни въ Литвѣ, а отступая, не найдемъ магазиновъ.

„Европа можетъ повторить кампанію 1812 г., но вѣроятно избѣжитъ ошибокъ Наполеона. Она будетъ вести войну методически, отброситъ насъ за Днѣстръ и отнявъ Польшу, усилится нашими крѣпостями въ царствѣ и Литвѣ. Несчастія и потери тогда Россіи—трудно теперь предвидѣть. Таковы, мнѣ кажется, послѣдствія войны теперь со всею Европою: пока она въ соединеніи, мы съ нею боротся не въ силахъ. Намъ дорого время; чтобы выиграть его, думаю, что на ультиматумъ ея можно бы отвѣчать: что предложенія принимаются съ тѣмъ, чтобы назначить сроки нашего выступленія изъ Княжествъ и въ одно время непріятельскихъ флотовъ:

„1-й срокъ. Мы очищаемъ Малую Валахію; флотъ выходитъ изъ Чернаго моря.

„2-й срокъ. Мы выходимъ изъ Большой Валахіи; флотъ — изъ Босфора.

„3-й срокъ. Мы очищаемъ Валахію; флотъ оставляетъ Дарданеллы. О послѣднемъ условіи лучше даже умолчать, ибо нѣтъ надежды, чтобы оно было принято. Для опредѣленій сроковъ и приготовленій къ отступленію, заключить перемиріе на шесть недѣль. Шесть недѣль намъ очень важны, для насъ каждый день дорогъ! Отступая, мы не отдаемъ своей земли, но возвращаемся на свои границы. По крайней мѣрѣ мы удержимъ, можетъ быть, Австрію и Пруссію, показавъ, что не желаемъ войны.

„Австрія боалась-бы Сербовъ, но съ нашимъ отступленіемъ изъ Валахіи ей нѣтъ предлога держать 50 тыс. на сербской границѣ. Если бы морскія державы не согласились на наши предложенія, то и тогда мы, по крайней мѣрѣ, выиграемъ время; имѣя полтора, два мѣсяца, успѣемъ укрѣпить настоящую стратегическую позицію на Днѣстрѣ; турки не войдутъ въ Княжества, а останутся въ Болгаріи. Въ центрѣ будутъ войска, соберемъ магазины; словомъ, займемъ стратегическіе пункты и приготовимъ продовольствіе.

„Европейскимъ державамъ будетъ время одуматься. Ихъ лихорадочное состояніе можетъ быть успокоится и разсудокъ возьметъ верхъ.

„Конечно, мы и тогда не въ состояніи держаться на центрѣ, если и Пруссія противъ насъ; но неужели нѣтъ возможности отдѣлить ее отъ другихъ державъ и склонить въ нашу пользу?

„Несчастія, которыя могутъ постигнуть Россію въ случаѣ общаго на насъ возстанія, будутъ неисчислимы и не скоро изгладятся. Еслибъ ихъ можно было предупредить, хотя бы съ нѣкоторыми уступками, которыя всегда будутъ сравнительно менѣе важны и впоследствии при благоприятныхъ обстоятельствахъ вознаградятся.

„Конечно, больно для самолюбія каждаго русскаго рѣшиться теперь уступить; но со временемъ Россія пойметъ, что оттого зависѣла ея судьба и благословить, какъ спасителя, того, кто великодушно рѣшится теперь на пожертвованія!“

Сообщ. Н. П. Степановъ.

